

Берг Л. Н.

СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА КАК СРЕДСТВО ОГРАНИЧЕНИЯ СУДЕБНОГО УСМОТРЕНИЯ

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2007/7-2/4.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2007. № 7 (7): в 2-х ч. Ч. II. С. 16-18. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2007/7-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

ски нет. Более того, даже через ЖИФ «Ключ» приобрести жилье на условиях ипотеки могут далеко не все работники комбината, это, в основном, руководящий состав и менеджеры высшего звена.

Введенных в эксплуатацию квадратных метров для города Магнитогорска оказывается недостаточно. Для руководства ЖИФ «Ключ», комбината и городской администрации это, очевидно, показатель того, что условия приобретения жилья для магнитогорцев приемлемы. Односторонний диалог, выстроенный в СМИ, однонаправленная коммуникация не дают целостной, реальной картины мира. В результате население города лишено возможности принимать участие в процессе корректирования политического курса, как итог – все большее отдаление власти от общества, непонимание проблем, стоящих перед гражданами, неэффективное управление и недоверие к институту власти со стороны граждан.

Таким образом, проблема односторонней коммуникации, в которую перерастает роль журналистики в реализации национальных проектов, перерастает в проблему неэффективного управления.

В сложившейся ситуации важно наметить пути решения проблемы. Кто может выступить инициатором преобразований? Общество лишено такой возможности, так как «платформу» для выражения мнений у него отнимают властные структуры. Но дело не только в этом. Для того чтобы выступить грамотным субъектом политической коммуникации, необходимо осознание своей гражданской позиции, а также по возможности объединение с единомышленниками в группу, способную повлиять на политический курс. Для осуществления данного процесса необходимо развитое правовое и политическое сознание, которым российское общество на сегодняшний день, к сожалению, обладает в недостаточной степени.

Журналистика, отвечающая за полноценный диалог между обществом и властью, безусловно, обладает огромным влиянием на политику. Но, в отличие от других субъектов политического процесса, журналистика не может самостоятельно порождать информационные поводы, СМИ всегда идут вслед за свершившимся фактом, поэтому их роль в процессе осуществления политической коммуникации относительно реализации национальных проектов все же вторична.

Остается только один субъект, способный в современных условиях осуществить преобразования в процессе построения политической коммуникации и, как следствие, – в управленческих процессах – это сами властные структуры. Именно власть, озабоченная процессом собственной легитимации, имеет не просто заинтересованность в процессе осуществления многосторонней политической коммуникации, но и реальные механизмы осуществления этого процесса. Успешная реализация национальных проектов – прямой путь к повышению доверия к властным структурам со стороны общества. Безусловно, в данном случае мы выходим на проблему этичности, грамотности власти, поскольку только та власть, которая способна преодолеть косность мышления, разрушить привычные стереотипы, способна наладить полноценный диалог с обществом и эффективно управлять политическими процессами. И, тем не менее, на сегодняшний день реализация национальных проектов в России затруднена по многим причинам, одна из которых – неэффективная работа СМИ, и как следствие – неадекватное восприятие властью реальных проблем населения.

Список литературы

Тургель И. Д. Проблемы реализации национального проекта «Доступное жилье» в России и в регионах // Чиновник. Информационно-аналитический вестник Уральского академии государственной службы. 2006. - № 3. - С. 17.

СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА КАК СРЕДСТВО ОГРАНИЧЕНИЯ СУДЕБНОГО УСМОТРЕНИЯ

Берг Л. Н.

Уральская государственная юридическая академия

Судебная практика, опыт ее обобщения - мощный источник воздействия на различные элементы правового регулирования. Он учитывается при разрешении юридических дел и действует наряду с нормами в качестве дополнительного поднормативного регулятора, направленного на то, чтобы сузить сферу индивидуального регулирования, усмотрения правоприменяющего субъекта. Правила, выработанные судебной практикой, часто в дальнейшем воспринимаются законодателем и закрепляются в нормативных актах [4].

Особая роль судебной практики, в данном случае как средства самоограничения судебной системы объясняется следующим; во-первых, судебная практика по характеру содержания наиболее близка к требованиям правовой нормы, так как выражена в виде предписаний, обладающих нормативными свойствами и конкретизированным содержанием; во-вторых, в судебной практике могут найти, и находят отражение, кроме фактического и нормативного основания, иные основания для вынесения решения, например, принципы права, отрасли, института - названные основания как бы преломляются через судебную практику, учитываются ею.

Свойства нормативности и глубокой содержательности представляют большую ценность для вынесения объективного и справедливого решения по юридическим делам. Поэтому игнорирование судебной практики - серьезная ошибка, которая может повлечь отмену решения.

Опыт принятия решений не исчезает бесследно, а, так или иначе, оказывает воздействие на правоприменительную деятельность. К тому же, судебная практика вызывает большой интерес исследователей, поскольку позволяет изучить ее действие на процессы правотворчества и правореализации [6], и естественно на судебное усмотрение.

Таким образом, судебная практика может быть представлена многомерно, в различных системах координат, отражающих весь опыт судебной деятельности, но нас, безусловно, интересуют классификационные основания, которые позволят показать пределы, установленные судебной практикой в отношении произвольного усмотрения судей.

Итак, по нашему мнению, есть такие основания классификации судебной практики, которые определяются непосредственно в самом процессе правоприменения. Так, по степени устойчивости судебную практику можно классифицировать на единичную практику, периодическую практику и устоявшуюся практику [5].

Соответственно, в случае единичной судебной практики, вынесение единственного судебного решения при рассмотрении дела с определенными фактическими обстоятельствами с использованием судебной дискреции может происходить по первой инстанции в мировом суде (ст.23 ГПК РФ, ч.1 ст. 31 УПК РФ), районном суде (ст. 24 ГПК РФ, ч.2 ст. 31 УПК РФ), в арбитражных судах республик, краев, областей, городов федерального значения, автономных областей, автономных округов (ч.1 ст.34 АПК РФ), в военном и ином специализированном суде (ст. 25 ГПК РФ, ч. 5,6,7,8 ст. 31 УПК РФ), в верховном суде республики, края, области, суде города федерального значения, в суде автономной области и суде автономного округа (ст. 26 ГПК РФ, ч.3 ст.31 УПК РФ), в Верховном Суде Российской Федерации (ст.27 ГПК РФ, ч.4 ст.31 УПК РФ), в Высшем Арбитражном Суде РФ ч.2 ст.34 АПК РФ).

Данный тезис предполагает, что вырабатываемые общетеоретические положения к проблеме судебного усмотрения применимы к правоприменительной деятельности указанных судов в случае единичной судебной практики. Единичная судебная практика имеет место, когда состоялось единственное судебное решение по рассмотрению дела с определенными фактическими обстоятельствами.

Периодическая судебная практика возникает там, где есть два и более судебных решения, однако данные судебные решения принимаются в рамках одного, двух судов, как правило, по первой инстанции. Судебный опыт еще неустойчив, вырабатываются определенные, возможно разные линии в разрешении однородных дел, имеют место разные правовые мотивировки у отдельных правоприменителей при применении судебной дискреции, но намечаются все же какие то общие тенденции в судебной практике.

И, наконец, судебная практика может быть отнесена к устоявшейся, когда принимаются близкие по содержанию правовых позиций неоднократные судебные решения с использованием различных видов судебной дискреции по аналогичным делам, оставленные в силе рассмотрением дел в апелляционных и кассационных инстанциях и подтвержденные рассмотрением одного или нескольких дел в суде высшей инстанции.

Данный вид судебной практики представляет в данном случае такой элемент правовой системы, который в совокупности с нормативной основой механизма правового регулирования, выполняет задачу по организации регулирования общественных отношений при помощи уже достаточно четких критериев, ориентиров, которые позволяют на основе юридических норм с учетом накопленного опыта единообразно, избегая возможных ошибок, решать юридические дела в соответствии с законом.

Например, рассмотрим критерии, которые выработала устоявшаяся судебная практика по (п. "б" ч. 2 ст. 105 УК) убийство лица или его близких в связи с осуществлением данным лицом служебной деятельности или выполнением общественного долга. Этот вид убийства представляет повышенную опасность, поскольку посягает не только на жизнь потерпевшего, но и на другой объект: общественные отношения, обеспечивающие лицу возможность осуществлять свою служебную деятельность или выполнять общественный долг. Потерпевшим может быть как должностное, так и не должностное лицо, осуществляющее служебную деятельность.

Под выполнением общественного долга, как сказано в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 г. N 1 "О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)" [5], понимается осуществление гражданином как специально возложенных на него обязанностей в интересах общества или законных интересов отдельных лиц, так и совершение других общественно полезных действий.

Так, практика признает выполнением общественного долга участие в пресечении преступления, сообщение органам власти о совершенном или готовящемся преступлении либо о местонахождении лица, разыскиваемого в связи с совершением им правонарушений, дачу свидетельских показаний и пр. Не имеет значения для квалификации, совершается ли убийство из мести в связи с осуществлением служебной деятельности или выполнением общественного долга или же в целях воспрепятствования такой деятельности потерпевшего в данный момент или в дальнейшем.

Очевидно, что данный вид судебной практики определяется правоприменительной деятельностью высших судебных инстанций. Поскольку данные инстанции, стоящие во главе многозвенной судебной системы, по-существу и направляют судебную практику в "нужное русло" [4]. То есть деятельность нижестоящих судов, в случае рассмотрения такого вида судебной практики как устоявшаяся судебная практика, разрешающих юридические дела (в случаях, когда существует возможность использования судебного усмотрения) всегда определенным образом может быть опосредована тем пониманием норм права, которое исходит от вышестоящих инстанций. Надо сказать, что именно в рамках устоявшейся судебной практики направляющее значение имеет именно судебная дискреция вышестоящих судебных инстанций, поскольку в конечном

итоге правовой климат вокруг действующих юридических норм, определяя характер и направленность их применения, при решении юридических дел создают данные суды.

Таким образом, деятельность нижестоящих судов в итоге направляется волей высших судебных инстанций (которая может в принципе и исказить закон). При этом в случае возможных противоречий в отношении к определенным вопросам правоприменения между позицией высшей судебной инстанции (формы ее изложения могут быть различны) и позицией самого судьи в случае устоявшейся судебной практики, последний косвенно принуждается следовать подходу, выработанному высшей судебной инстанцией [6]. Например, ст.304 АПК РФ устанавливает в качестве одного из оснований для изменения или отмены в порядке надзора судебных актов Президиумом Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации, вступивших в законную силу, такое основание как нарушение единообразия в толковании и применении арбитражными судами норм права.

Таким образом, рассмотрев три вида судебной практики в аспекте судебной дискреции, определенно можно сказать о том, что именно устоявшаяся судебная практика является реальным средством самоограничения судебной системы от судебной дискреции при вынесении решений с аналогичным составом юридических фактов судебными инстанциями. Поскольку в силу общего характера норм права нормативное регулирование с необходимостью дополняется индивидуальным регулированием, усмотрением правоприменителя.

Список литературы

1. **Абушенко Д. Б.** Судебное усмотрение в гражданском и арбитражном процессе. – М., 2005. - С. 26.
2. **Абушенко Д. Б.** Указ. соч. - С. 24.
3. **Бюллетень Верховного Суда РФ.** 1999. - 1. - С. 25.
4. **Леушин В. И.** Юридическая практика в системе социалистических общественных отношений. - Красноярск, 1987. - С. 107 -135.
5. **Соловьев В. Ю.** Судебная практика в российской правовой системе: Дис. канд. юрид. наук. – М., 2003. - С. 38.
6. **Яковлев В. Ф.** Общая часть гражданского права в современном законодательстве и юридической практике. - Свердловск, 1979. - С. 52-88.

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА КОММЕРЧЕСКУЮ СЕКСУАЛЬНУЮ ЭКСПЛУАТАЦИЮ ДЕТЕЙ

Бесчастнова О. В.

Астраханский государственный университет

Государства, подписавшие Конвенцию ООН о правах ребенка, в числе которых и Российская Федерация, обязались защищать ребенка от всех форм сексуальной эксплуатации и сексуального совращения, включая эксплуатацию детей в порнографии и порнографических материалах. В последнее время коммерческая сексуальная эксплуатация детей и подростков в виде порнографии, проституции и торговли людьми в сексуальных целях в Российской Федерации приняла новые и угрожающие размеры.

Так, за 2006 год зарегистрировано 359 преступлений, предусмотренных ст. 242¹ УК РФ (изготовление и оборот материалов или предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних), тогда как в 2005 году – 54 преступления. Количество выявленных преступлений указанной категории за три года увеличилось в 12 раз. За совершение данного преступления к уголовной ответственности привлечено в 2005 году 21 лицо, в 2006 году - 40.

Проблема роста преступности, связанной с сексуальной эксплуатацией детей и подростков, не является специфичной исключительно для России, ею озабочено все мировое сообщество. Практически все государства в той или иной степени сталкиваются с необходимостью ужесточения социально-правового контроля в сфере сексуальной эксплуатации несовершеннолетних.

Декларация и План действий, принятые на Всемирном Конгрессе против сексуальной эксплуатации детей в коммерческих целях (1996) определили, что «коммерческая сексуальная эксплуатация детей (КСЭД) - серьезное нарушение прав ребенка. КСЭД включает в себя сексуальное насилие или эксплуатацию взрослым человеком и оплату деньгами или натурой ребенку или третьему лицу/лицам. Ребенок рассматривается как предмет секса и предмет торговли» [Narvesen 1989: 8-9].

В декларации определены три первичные и взаимосвязанные формы коммерческой сексуальной эксплуатации детей: проституция, порнография и торговля для сексуальных целей.

Правительства 159 стран, вместе с неправительственными организациями, ЮНИСЕФ и другими институтами ООН согласились на глобальное сотрудничество в борьбе против коммерческой сексуальной эксплуатации детей. План действий призывает улучшить координацию и сотрудничество, усилить меры предотвращения, увеличить роль защиты, усилий по реабилитации пострадавших, а также активизировать вовлечение молодежи.

Так, Совет Европы еще в 1991 году принял «Рекомендацию о сексуальной эксплуатации, порнографии, проституции и торговле детьми и несовершеннолетними», которая придала особое значение расширению юрисдикции государства на преступления, совершенные его гражданами за границей, а также обмену ин-